

S T U D I A P H I L O L O G I C A



УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО РАН

Л. И. Сазонова

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ

Наследие Средневековья и барокко
в русской литературе
Нового времени



РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
МОСКВА 2012

УДК 316.7
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С 12



Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 11-04-16195

Ответственный редактор — член-корреспондент РАН

А. Л. Топорков

Сазонова Л. И.

С 12 Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Учреждение Рос. акад. наук. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2012. — 472 с.: ил. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0516-1

В книге изучаются многообразные типы связей между культурным наследием Средневековья, барокко и русской литературой Нового времени. Рассмотрены семантические формы, в которых совершается сохранение и передача памяти культуры: цитата, символ, топики, эмблема, мифологема, мифологический сюжет и другие смысловые и художественные комплексы. Семантика культурных символов, идущих из Средневековья и получивших применение в новом историческом и культурном контексте, прослеживается на примерах произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, М. А. Булгакова, поэзии Серебряного века. Историко-литературные и историко-культурные сюжеты данного исследования являются результатом прочтения произведений литературы Нового времени глазами медиевиста.

Книга адресована не только представителям гуманитарных наук, но и всем интересующимся историей русской литературы и культуры.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована картина
А. В. Лентулова — «Звон» (Колокольня Ивана Великого) 1915 г.*

ISBN 978-5-9551-0516-1

© Рукописные памятники Древней Руси, 2012
© Сазонова Л. И., 2012
© Учреждение Российской академии наук.
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Введение.....	7
Глава I. «Слово о полку Игореве» в поэтической культуре XX века.....	19
Глава II. Из символики сада: от Средневековья до Серебряного века.....	67
Глава III. Эмблематические мотивы в русской классической литературе.....	127
Глава IV. Библизм «Сердце царево в руце Божией»	187
Глава V. Освоение языка куртуазности и науки галантного поведения (Carte du Tendre).....	197
Глава VI. Русь — птица-тройка Гоголя: сакральные основания национальной мифологемы и ее отражения в литературе.....	249
Глава VII. Средневековая новелла о художнике и повесть Гоголя «Портрет»	293
Глава VIII. Демонологический миф в памяти литературы XX века (роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»).....	319
Глава IX. Риторика как проводник литературной традиции: Барокко — авангард	377
Глава X. Три сюжета	417

1. Мотив пути как символическая метафора	417
2. Панегирическая топика в «Молитве русского народа» В. А. Жуковского	431
3. От изображения к поэзии: иконографический сюжет «Семь Скорбей Богородицы»	439
Заключение	445
Список иллюстраций	450
Список сокращений	452
Указатель имен и произведений	453

Введение

Данное исследование входит в ту отрасль современной гуманитарной науки, которая, начиная с последней трети XX в., обратила пристальное внимание на проблемы памяти культуры и сделала их предметом междисциплинарных исследований. Разрабатываются философские, психологические, социологические теории памяти. В исследованиях философской школы «истории идей» *искусство памяти* рассматривается как особый феномен, оказывающий значительное воздействие на развитие культуры, прослеживается общий путь его истории в европейской цивилизации: «Греки открыли искусство памяти, которое подобно другим было передано Риму и вошло затем в европейскую традицию. Это искусство памяти использовало технику запечатления в памяти неких “образов” и “мест”»¹.

По словам Д. С. Лихачева, «память — основа культуры» и одна из основ «эстетического понимания культурных ценностей»². Еще в первом издании «Поэтики древнерусской литературы» ученый писал о том, что «в отличие от общего движения “гражданской” истории, процесс истории культуры есть не только процесс изменения, но и процесс сохранения прошлого, процесс открытия нового в старом, накопления культурных ценностей»³.

Вместе с тем память — не просто хранилище воспоминаний, она служит не только реставрации прошлого, это сложный и

¹ *Йейтс Ф.* Искусство памяти. СПб., 1997. С. 6 (первое изд.: *Yates F.* The Art of Memory. London, 1966).

² *Лихачев Д. С.* Раздумья. М., 1991. С. 82.

³ *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 364.

порой самостоятельно действующий инструмент, обладающий мощными креативными возможностями. Превысивший художественный опыт припоминается и используется творцами, сообразно новому историческому контексту, для «новых художественных решений»⁴. Д. С. Лихачев размышляет: «Каждый культурный подъем был связан с обращением к прошлому. Сколько раз человечество, например, обращалось к античности? По крайней мере больших, эпохальных обращений было четыре: при Карле Великом, при Палеологах в Византии, в эпоху Ренессанса, в конце XVIII — начале XIX века вновь. А сколько было “малых” обращений культуры к античности — в те же средние века, долгое время считавшиеся “темными”. Каждое обращение к прошлому было “революционным”. То есть оно обогащало современность, и каждое обращение по своему понимало это прошлое, брало из прошлого нужное ей для движения вперед... Ведь каждое обращение к старому в новых условиях было всегда новым»⁵.

В культуре происходит аккумуляция знаний, относящихся к разным ее периодам, при этом «ничто не исчезает бесследно» — именно такими словами завершил свое исследование «Повести временных лет» И. П. Еремин: «Не подлежит сомнению, что рецидивы этого (то есть летописного. — Л. С.) стиля — в виде модификаций или рудиментов — можно проследить и в литературе нового времени, ибо в искусстве ничто не исчезает бесследно»⁶.

⁴ См.: *Софронова Л. А.* Культура сквозь призму поэтики. М., 2006. С. 689.

⁵ *Лихачев Д. С.* Раздумья. С. 80—81.

⁶ *Еремин И. П.* «Повесть временных лет». Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946. С. 92.

Впоследствии эту идею развивали Б. М. Эйхенбаум (Черты летописного стиля в литературе XIX века // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 545—550), Д. С. Лихачев (см. главу «Судьбы древнерусского художественного времени в литературе новой» на примере творчества И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина в книге: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 312—350).

Культура располагает готовым запасом устойчивых форм, повторяющихся в новых трансформациях, — топикой. Следует особо подчеркнуть значение работ А. М. Панченко, предложившего понятие «национальной топики», эволюция которой протекает, по его определению, «в пределах “вечного града” культуры... старые ценности, выработанные многовековым народным опытом, только оттесняются на задний план, но не покидают “вечного града”»⁷. Ученый писал, что «взгляд на искусство как на “эволюционирующую топику” прямо-таки завещан нам фольклором и древнерусской письменностью»⁸. Размышляя о фольклоре и поэзии Блока, о «победах на грани поражений» (Куликово поле, Бородино), А. М. Панченко отмечает характерную для национальной топики особенность: в ней «нераздельно слиты аспект поэтический и аспект нравственный»⁹.

Locī communes, соединяющие «старину» и «новизну», наблюдаются, однако, не только в рамках национальной традиции, они действуют также поверх каких-либо границ — временных, пространственных, национальных. Знаменитый труд Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (1-е изд. — 1948 г.), показал, сколь живучи в литературе на протяжении многих веков некоторые топосы, темы, идеи¹⁰.

Культура представляет, по мысли Ю. М. Лотмана, «коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти»¹¹. Ученый обратил внимание

⁷ Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. М., 1984. С. 203.

⁸ Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 236.

⁹ Там же. С. 246.

¹⁰ Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 10. Aufl. Bern; München, 1984 (первое изд.: 1948 г.).

¹¹ Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 200.

на семантическую актуализацию историко-культурных фактов, идущих из далеких эпох, при их взаимодействии с новым контекстом: «Прошлые состояния культуры постоянно забрасывают в ее будущее свои обломки: тексты, фрагменты, отдельные имена и памятники. Каждый из этих элементов имеет свой объем “памяти”, каждый из контекстов, в который он включается, актуализирует некоторую степень его глубины»¹². Более того, каждая культура нуждается, по словам Ю. М. Лотмана, «в пласте текстов, выполняющих функцию архаики». Одним из наиболее устойчивых элементов, хранителей памяти культуры, являются, по мысли ученого, символы и мотивы, восходящие к архаическим мифам: они «переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой»; символ «не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее»; символ выступает «как посланец других культурных эпох (= других культур), как напоминание о древних (= вечных) основах культуры»¹³.

А. В. Михайлов указывал на постоянную «неизбежную повторяемость знаков, какие вообще встречались в процессе (развития культуры. — А. С.), — раз появившись, они, можно предполагать, раз и навсегда входят в мифосемантический фонд, знаки и мотивы которого едва ли по-настоящему забываются»¹⁴.

В исследовании «Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции» (1998) В. Н. Топоров показал, что совпадения отдельных славянских литературных и фольклорных традиций друг с другом определяются во многом общим фондом сюжетов, героев, образов и стилистических приемов, сформировавшихся еще в праславянский период.

¹² Лотман Ю. М. Память культуры // Язык. Наука. Философия. Вильнюс, 1986. С. 203.

¹³ Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 192.

¹⁴ Михайлов А. В. Из истории характера // Человек и культура. Индивидуальность в истории характера. М., 1990. С. 45.

Изучению эволюции отдельных художественных форм на материале русского фольклора и словесности в аспекте исторической поэтики посвящена монография И. П. Смирнова «Диахронические трансформации литературных жанров и мотивов» (1981)¹⁵. В книге Р. Лахманн «Память литературы» (1990) разрабатывается теоретическая проблематика интертекстуальности на примерах из русской литературы XIX—XX веков; речь идет о том, что художественный смысл литературного текста конституируется в горизонте памяти литературы, при изучении его в связи с другими текстами¹⁶.

Продолжая направление исследований А. Н. Веселовского, посвященных поэтике сюжета и мотива, появились работы о «вечных» сюжетах в русской литературе на протяжении нескольких веков от Средневековья до современности¹⁷. Для изучения памяти культуры представляют интерес также работы по мифопоэтике¹⁸, о литературных универсалиях и архетипах¹⁹.

Основной целью данного исследования является осмысление идеи, акцентированной М. М. Бахтиным в ряде его работ о том, что существует такой феномен, как память литературы и культуры, и что в культуре между отдаленными эпохами

¹⁵ См.: Смирнов И. П. Диахронические трансформации литературных жанров и мотивов // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1981. Sonderband 4.

¹⁶ См.: Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt am Mein, 1990.

¹⁷ См.: «Вечные» сюжеты русской литературы. «Блудный сын» и другие // Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. К. Ромодановская и В. И. Тюпа. Новосибирск, 1996; Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2003. Вып. 1; 2006. Вып. 2; 2008. Вып. 3. Ч. 1; 2009. Вып. 3. Ч. 2.

¹⁸ Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб., 2003; Полонский В. В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX—начала XX века. М., 2008.

¹⁹ Литературные архетипы и универсалии / Под ред. Е. М. Мелетинского. М., 2001.

происходят совпадения. Предлагаемое исследование направлено на изучение преемственных внутренних связей между культурной традицией Средневековья, барокко и русской литературой Нового времени. Средневековье и барокко не остались замкнуты границами собственных историко-культурных эпох. Свойственные им символы, сюжеты, мотивы, образы, пройдя через многие века, вошли составной частью в память культуры и продолжили свою жизнь в русской литературе Нового времени. Открывается возможность не только установить переключки между произведениями разных эпох и разных авторов, но и своеобразие функционирования названных словесных форм, знаков культуры.

Преемственные связи древнерусской литературы и русской литературы Нового времени рассматривались по преимуществу на уровне прямого контактного влияния текста на текст²⁰. Между тем теория влияний и прямой текстуальной зависимости одного произведения от другого не может быть применена ко всем проявлениям схождения между произведениями, принадлежащими к разным пластам культурного развития. Эта теория не способна объяснить всех случаев сложного взаимодействия и совмещения разных контекстов

²⁰ См., например: *Кусков В. В.* Осмысление поэтических образов древнерусской литературы в цикле стихотворений А. Блока «На поле Куликовом» // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1980. № 6. С. 12—17; *Николаева Е. В.* Древнерусские литературные традиции в становлении жанра народных рассказов Л. Н. Толстого // Литература Древней Руси. М., 1981. С. 127—139; *Державина О. А.* Древняя Русь в русской литературе XIX века. Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века. М., 1990; *Дергачева И.* Литературная история Синодика в XVII веке и использование его мотивов в русской классической литературе XIX века (Н. В. Гоголь и Н. С. Лесков) // *Дергачева И.* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика). Мюнхен, 1990. С. 51—98; *Вигзелл Ф.* Блудные сыновья или блуждающие души: «Повесть о Горе-Злочастии» и «Очарованный странник» Лескова // ТОДРА. СПб., 1997. Т. 50. С. 754—762; *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000; *Маркова Е. И.* Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. М., 2000.

(древних, средневековых и новых), поскольку связи культурных эпох осуществляются не только на уровне прямого влияния текста на текст, но также, к примеру, на основе архетипического символа, мифологемы, мифа, топики, некоторых общих типологических принципов конструирования художественного мира, на библеизме и др. Так, миф устойчив, погружен в культуру и отражается во многих произведениях литературы и искусства, генетически не зависящих друг от друга. Для изучения проблемы памяти культуры, вынесенной в название монографии, значение имеет не только собственно древнерусская традиция, но и общеевропейское христианское наследие в целом, переданное Новому времени культурой Средневековья. Следует подчеркнуть также, что речь идет в книге не только об установлении прямого *влияния* текста на текст, но и о дающих о себе знать на многовековом пространстве культуры явлениях сверхличной памяти культуры при передаче смысловых комплексов без контактного влияния текста на текст.

Примеры подобного подхода, заключающегося в изучении «сходства без контакта», находим и в некоторых исследованиях последних лет. Так, анализируя повесть Н. В. Гоголя «Рим», Дж. Броджи Беркоф указывает на то, что «поиски барочного подтекста, благодаря плюрализму прочтения, который подразумевает барочная культура, могут помочь лучше понять не только особенности этого произведения, но и всего творчества Гоголя, вероятно, самого многогранного и загадочного писателя в русской, а возможно, и восточнославянской литературе»²¹. С. Г. Бочаров, анализируя феномен литературного «припоминания», предложил расширительное толкование этого феномена как проявления особого рода памяти, «работающей» в самом материале литературы во многих случаях более или менее независимо от прямых литературных влияний или от сознательных целей писателей.

²¹ *Броджи Беркоф Дж.* Барочными маршрутами повести Н. В. Гоголя «Рим» // Гоголь и Италия / Материалы Международной конференции «Николай Васильевич Гоголь: между Италией и Россией». М., 2004. С. 64.

Ученый полагает, что можно в подобных случаях говорить о «генетической памяти» литературы²².

В большом пространстве культуры наблюдается многообразие типов связей и переключек и своеобразное функционирование элементов памяти культуры. XX век выработал тип слова, возвращающегося к своим мифориторическим основаниям. При этом имеется «в виду “миф” не в школьном понимании и, скажем, в романтическом истолковании XIX в., и не как “миф” мифологии как знания и науки, но прежде всего миф как само греческое слово *mythos* в его историческом развитии — от гомеровского *mythos eipe* («говорить слово») (...) *Готовое* слово риторической культуры — и целая речь, целое высказывание, и сюжет, и жанр, как форма, в которую отливается мысль, и самое мелкое единство смысла (пусть например, имя собственное), если только это происходит из фонда традиции и заранее дано поэту или писателю, если только это заведомо для него готово»²³.

Такое «мифориторическое» слово соединяет литературу XX века с предшествующими пластами культурного развития. Для словесности риторического типа, простирающейся от века Аристотеля до рубежа XVIII—XIX веков, особую роль играет установка на *готовое слово* (термин А. Н. Веселовского), на образцы, устанавливающие произведение в русле литературной традиции. Риторические механизмы выступают как проводники традиции, значение их «невозможно переоценить (а оно, в свою очередь, все еще иногда недооценивается): благодаря традиции, передаче образца из рук в руки и от поколения в поколение, в этой литературе слагаются и длиннейшие стилистические линии, и каноны жанров, и постоянство образного строя и т. д.»²⁴. В передаче через многие века смысловых и художественных комплексов, их воспроизведении и сохранении принимают участие библейско-литургические тексты; они относятся к культуре *готового слова*, сохраняющей

²² См.: Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 539—550.

²³ Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 510—511.

²⁴ Михайлов А. В. Методы и стили литературы. М., 2008. С. 45.

свое значение от раннего Средневековья до поэзии XX века (Вяч. Иванов, А. Белый, М. Цветаева и др.). Библия и богослужебные книги обладают статусом прецедентного текста, имеющего сверхличностный характер, и входят в культурный тезаурус всех носителей данной культуры.

Задача настоящего исследования — выявить типы связей, соединяющих разновременные пласты литературного развития, установить содержательные элементы и формы, в которых совершается сохранение, поддержание и передача смысловых и художественных комплексов.

Актуализация диахронической памяти словесных форм и знаков, идущих от средневековой литературы и барокко и нашедших применение в новом историческом и культурном контексте, наблюдается в текстах, отмеченных использованием цитат, символов, топосов, эмблем, литературных мифологем, мифологических сюжетов. Они выступают как устойчивые элементы — носители и хранители литературной памяти. По мере дальнейшей разработки данной темы и расширения круга анализируемых источников перечень элементов, участвующих в передаче культурной информации во времени, и повторяющихся семиотических знаков, как можно полагать, увеличится.

Филологические сюжеты данной книги возникли как результат прочтения на глубину традиции произведений новой русской литературы глазами медиевиста. Предлагаемый в монографии анализ призван продемонстрировать проявления культурной памяти на историко-литературном материале разных эпох, при этом учитываются как сознательные обращения авторов Нового времени к предшествующей традиции, так и неосознанные. Наиболее важные наблюдения, связанные с избранной темой, продемонстрированы на материале отдельных репрезентативных текстов и литературных явлений. Семантика культурных символов, идущих из Средневековья и барокко в Новое время, прослеживается в творчестве В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, М. А. Булгакова, в поэзии Серебряного века. Предпринятая в этой книге попытка проанализировать внутренние